

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

МИРОВОЙ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В.И. Кушлин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
просп. Вернадского, 82, Москва, Россия, 119571

В статье уточняются масштабы и основные особенности современного мирового кризиса. Раскрывается взаимосвязь проявлений кризиса с обострением энерго-экологических проблем. Оцениваются подходы к решению энерго-экологических проблем в развитых и развивающихся странах. Анализируются три возможных сценария обеспечения устойчивого экономического развития в мире на перспективу.

Ключевые слова: виды кризисов в экономике, концепция устойчивого развития, Римский клуб, ресурсоемкость экономики, потребление энергии на душу населения, факторы загрязнения окружающей среды, энерговооруженность труда, энергоемкость экономики, энерго-экологическое равновесие.

Мировой финансово-экономический кризис — по-прежнему главная тема дискуссий о настоящем и будущем в экономике. По прошествии почти пяти лет наблюдений за его проявлениями можно сделать по меньшей мере три вывода, имеющих принципиальное значение.

1. Данный кризис не только финансовый, как это представлялось вначале (поскольку именно с крупных финансовых институтов начались главные потрясения на рынках и именно в эту сферу были обращены первоочередные антикризисные меры правительств). Это кризис экономический (или финансово-экономический), имеющий корни в противоречиях всего процесса экономического воспроизводства. Накопившиеся глубинные противоречия, очевидно, не могут быть разрешены быстро, а потребуют — даже в плане раскрытия своей природы, не говоря уже о преодолении — длительного времени.

Кризисы, как таковые, не являются событием, противоречащим потребности в непрерывном и устойчивом экономическом развитии, потому что цикличность —

органический компонент экономической динамики. Исследованы и описаны типичные волнообразные процессы в экономике, имеющие различный горизонт разворота во времени, и они имеют свое объяснение с точки зрения факторов, определяющих конфигурации циклов: краткосрочные смены подъемов и спадов — циклы Дж. Китчина (длительностью 3—4 года); среднесрочные циклы, например циклы К. Жюгляра (продолжительностью 7—10 лет); воспроизводственные циклы Саймона Кузнеца (продолжительностью 18—25 лет); так называемые «длинные волны» Н.Д. Кондратьева продолжительностью 40—60 лет. Объяснение ныне разразившегося мирового кризиса некоторые исследователи пытаются найти в контексте логики кондратьевских циклов, имея в виду «наложение» на падающую ветвь волны последнего из этих циклов волн Жюгляра и Китчина. Однако убедительных доказательств для этого вывода пока нет.

Есть, однако, все основания серьезно отнестись к оценке масштабов кризиса, сделанной Иммануилом Валлерстайном, профессором Йельского университета, одним из весьма авторитетных мыслителей современности: «Кризис, в который погружается мир, продлится еще довольно долго и окажется весьма глубоким. Он разрушит последнюю жалкую опору относительной экономической стабильности — роль американского доллара как резервной валюты, гарантирующей сохранность сбережений. И когда это случится, главной проблемой всех властей мира — от США до Китая, от Франции до России и Бразилии, не говоря уже о более мелких странах, станет необходимость уберечься от недовольства оказавшихся без работы — трудящихся и средних слоев, которые лишатся своих накоплений и пенсий. Чтобы пригасить народный гнев, власти обращаются к печатанию денег и к протекционизму, которые играют роль первой линии обороны... Подобные меры могут отсрочить те угрозы, которых опасаются власти, и ненадолго облегчить участь простых людей. Но в конечном счете они, скорее всего, лишь усугубят положение. Система заходит в тупик, из которого миру будет очень трудно выбраться. Этот тупик находит выражение в виде все более и более диких колебаний, которые практически обесмысливают какие-либо краткосрочные прогнозы — как экономические, так и политические. А это, в свою очередь, лишь обострит всеобщие страхи и отчуждение простого народа» [1].

2. Кризис имеет глобальное происхождение, поскольку он порожден коллизиями, накопившимися в ядре нынешней системы капиталистического хозяйствования, в системе наиболее развитых стран, где концентрируются и все рычаги управленческих воздействий на мировое хозяйство. Таким образом, проявляется обратная сторона глобализации, когда общемировые коммуникации служат не только благим делам, но и неимоверно быстрому распространению противоречий вширь. Частные и локальные колебания в этих условиях быстро способны переходить в режим резонанса по всей системе.

3. Купирование и преодоление кризиса, несмотря на его глобальный характер, в решающей степени сегодня зависят от набора антикризисных мер и содержания долгосрочной экономической политики конкретных стран. Эта политика не может быть универсальной для всех, как бы этого ни хотелось некоторым

концептуалистам глобального управления миром, потому что различия в исходных уровнях развития стран и, соответственно, в понимании их народами своего будущего слишком существенны.

Изучению кризиса и путей смягчения его проявлений для народов посвящены труды большого числа ученых. Но есть ли уже у человечества достаточно ясный и непротиворечивый ответ на вопрос о том, что означал бы «выход из кризиса», к которому, кажется, все стремятся. Возможно ли просто восстановление ситуации докризисного статус-кво, когда все выглядело вполне стабильным? И является ли такое восстановление решением проблемы? По-видимому, нет. Все больше находится данных, подводящих к мысли о том, что эра непрерывно поступательного «прогресса» в экономике всех стран по схемам второй половины XX в., которые строились на стимулах к постоянному росту благосостояния в универсальном его понимании, подошла к исчерпанию своего потенциала.

Собственно говоря, именно эта истина, осознанная продвинутыми мыслителями нашего времени, и подвела в последней трети XX в. к новой концепции регулирования экономики, к концепции устойчивого развития, смысл которой был сформулирован в материалах Всемирного саммита 1992 г. в Рио-де-Жанейро следующим образом: «В соответствии с требованиями устойчивого развития отрицательное влияние на качество воздуха, воды и других природных элементов должно сводиться к минимуму, с таким расчетом, чтобы сохранить общую целостность экосистем. По существу, устойчивое развитие является процессом изменений, в котором эксплуатация ресурсов, направление капиталовложений, ориентация технологического развития и учрежденческие изменения находятся в гармонии, повышают ценность текущего и будущего потенциала с целью удовлетворения человеческих потребностей и стремлений [2. С. 53].

Становлению концепции устойчивого развития предшествовали активные обсуждения проблем экономики и устройства общества в различных научно-политических кругах, среди которых особо выделяются подходы, сформировавшиеся в рамках Римского клуба. Его инициаторы, напомним, ради идеи гармонизации отношений человека и природы предложили в конце 1960-х гг. ориентироваться правительствам основных стран на политику «нулевого роста».

Так какие же темпы экономического роста были бы желательны для восстановления ситуации устойчивости в процессах мирового экономического воспроизводства, т.е. в посткризисном мире? Могут ли быть здесь определены идеальные параметры, на базе которых будут сформулированы универсальные рекомендации относительно масштабов и темпов экономического роста? В ряде аналитических разработок и публикаций присутствуют довольно категорические суждения по поводу политики экономического роста и трансформации хозяйственно-политических систем, адресованные странам с переходной экономикой и развивающимся странам, которые, однако, при детальном рассмотрении вызывают сомнения. Коварность таких общих рекомендаций в том, что они обычно базируются исключительно на опыте ограниченной группы стран высокоразвитого

капитализма, т.е. опыте, который не может быть воспроизведен в массовом порядке сегодня, в условиях предельного состояния ресурсной базы планеты.

Известно, что в последние годы темпы экономического роста в развивающихся странах были существенно выше, чем в странах развитого Запада, что объяснимо с учетом гигантского стартового разрыва между ними. Эти опережающие темпы экономического роста не вызвали особого беспокойства в мировой экспертной и управленческой среде до тех пор, пока не выяснилось, что основным стимулом к высоким темпам экономического роста является желание быстро развивающихся стран (имеющих, как правило, многомиллионное население) приблизиться к стандартам потребления благ и ресурсов на душу населения, достигнутым элитными странами.

Вот тогда и актуализировалось обсуждение задач существенного снижения ресурсоемкости, и прежде всего энергоемкости производства ВВП в целях предотвращения экологического коллапса на планете, вспомнили о «концепции нулевого роста». Однако эта общая и вполне обоснованная постановка вопроса, обозначающая генеральное направление в экономической политике всех стран, на определенном этапе стала элементарно буксовать, причиной чему явилась чрезмерная универсальность подходов к проблеме, вытекающая из доминирования критериев и стандартов ресурсопотребления, достигнутых в узкой группе высокоразвитых стран мира. Не учитывалось то обстоятельство, что данные стандарты сложились на базе абсолютно уникальных исторических условий, когда для них не существовало проблемы ограниченности первичных ресурсов.

Понятие устойчивого развития побуждает ставить в центр анализа качественные характеристики явлений, связанных с экономическим ростом. Во-первых, экономический рост как базис повышения благосостояния людей должен обеспечиваться непрерывно в течение весьма длительного интервала времени. Во-вторых, экономика должна базироваться на безотходных (или малоотходных) технологиях, на замкнутых циклах переработки и рекультивации природных ресурсов. В-третьих, должно быть минимизировано отрицательное влияние на климат и окружающую среду, что актуализируется достижением критических масштабов этого влияния за последние годы.

Реализации требований устойчивого развития способствует введение в число особо значимых контролируемых характеристик экономического развития показателей удельного расхода сырья, материалов, энергии, воды и т.п. Сложность здесь в том, что эти показатели, объединяемые таким интегральным понятием, как ресурсоемкость, привязываются на практике к количественному выражению экономического роста, денежной его оценке. Обычно таковым является показатель ВВП или объемов выпуска продукции. В расчете на единицу ВВП и объемов выпуска продукции определяются показатели материалоемкости, металлоемкости, энергоемкости и т.п. Среди них особое внимание уделяется показателям энергоемкости и электроемкости производства, поскольку они отражают уровень использования самого ключевого ресурса и фактора современной экономики.

Показатель ресурсоемкости обычно выше в тех странах, где объемы ВВП относительно небольшие, т.е. в слаборазвитых и развивающихся странах, на что влияет и сам факт меньшего масштаба экономики, и та реальность, что в развитых экономиках в силу истории уже наличествуют более совершенные и ресурсоэффективные технологии. В среднем ресурсоемкость продукции и технологий в менее развитых и развивающихся странах оказывается в 3—7 и более раз выше, чем в аналогичных отраслях в развитых странах. Например, Россия на единицу общих энергозатрат получает всего 0,63 единиц ВВП, тогда как США — 2,9 единицы, страны ОЭСР — 4,0, страны ЕС — 5,0, а Япония — 6,7 единиц.

Положение усугубляется тем, что разработанные мировыми экспертами прогнозы ориентируют на то, что именно развивающиеся страны будут обеспечивать основной вклад в мировой экономический рост, хотя и их развитие будет под влиянием кризиса более медленным, чем ожидалось. По прогнозам Всемирного банка, темпы роста в развивающихся странах составят в 2012 г. 5,4%, что является одним из самых низких показателей за последние 10 лет — хуже он был только в кризисный 2009 г. Но ожидаемый рост ВВП в странах с высоким уровнем дохода составляет всего лишь 1,4%. На следующий 2013 г. соответствующие прогнозируемые цифры чуть выше — 6% по развивающимся странам, 2% — по странам с высоким уровнем дохода, 3,1% — по мировой экономике в целом и 3,9% — по России. И конечные результаты по-прежнему сильно зависят от ухудшения экономического положения в Европе, что может повлечь за собой серьезные последствия для мировой экономики, включая развивающиеся страны.

В прогнозах на период до 2020 г. заложены ожидания, что в развивающихся странах темпы роста потребления энергоресурсов будут в 3—3,5 раза выше, чем в странах ОЭСР. Исходя из этого предполагается, что на развивающиеся страны придется $\frac{2}{3}$ увеличения потребления энергоресурсов, на Китай и Индию — около 50%. По прогнозу Международного энергетического агентства, удельный вес Китая в мировом спросе на энергоресурсы в 2020 г. достигнет 17—18% против 12—13% в настоящее время.

Мировое экспертное сообщество рассчитывает, что именно развивающиеся страны обеспечат более высокие темпы снижения энергоемкости в своих экономиках за счет значительного потенциала внедрения энерго- и ресурсосберегающих технологий. С учетом этого обстоятельства предполагается, что энергоемкость мировой экономики к 2030 г. может снизиться на 60%. Удельное потребление энергии уменьшится с 306 кг нефтяного эквивалента на 1000 долл. США мирового ВВП в 2005 г. до 130 кг в 2030 г.

Такого рода расчеты во многом проблематичны, и прежде всего потому, что не учитывают глубинные причины, в силу которых развивающиеся страны имеют более плохие показатели по ресурсоемкости и технологии производства, чем высокоразвитые страны. Эти причины заложены в историческом контексте развития соответствующих стран. Для того, чтобы создать современные производства,

воплощающие ресурсо- и энергоэкономные технологии, все высокоразвитые страны прошли сложный и длительный путь подъема своих производительных сил, развития техники и технологий, включающий как качественные, так и количественные преобразования. Словом, за этим должна стоять многолетняя целенаправленная работа по повышению техновооруженности и энерговооруженности труда работников.

О том, в какой степени жители высокоразвитых стран выигрывают по оснащенности их труда и быта техническими средствами перед менее развитыми странами мира, убедительно говорит такой показатель, как потребление электроэнергии в расчете на душу населения. Если в мире в целом (по состоянию на 2004 г.) потребление электроэнергии на душу населения составляло 2701 к·Вч, то в странах ОЭСР — 8795 к·Вч, а в среднем по развивающимся странам — только 1221 к·Вч. При этом в странах Южной Азии данный показатель составлял 628 к·Вч на человека, в странах Африки к югу от Сахары — 478, а в наименее развитых странах — только 119 к·Вч. Почти 1,6 млрд человек на Земле до сих пор не имеют доступа к электричеству. При 100-процентном уровне электрификации жизни в странах ОЭСР этот уровень в развивающихся странах только 68%, а в странах Африки к югу от Сахары — 26%.

Эти различия весьма существенны и между странами цивилизационно не столь диаметрально (как это характерно для вышеприведенной общей картины), например, между Россией и странами развитого Запада (рис. 1).

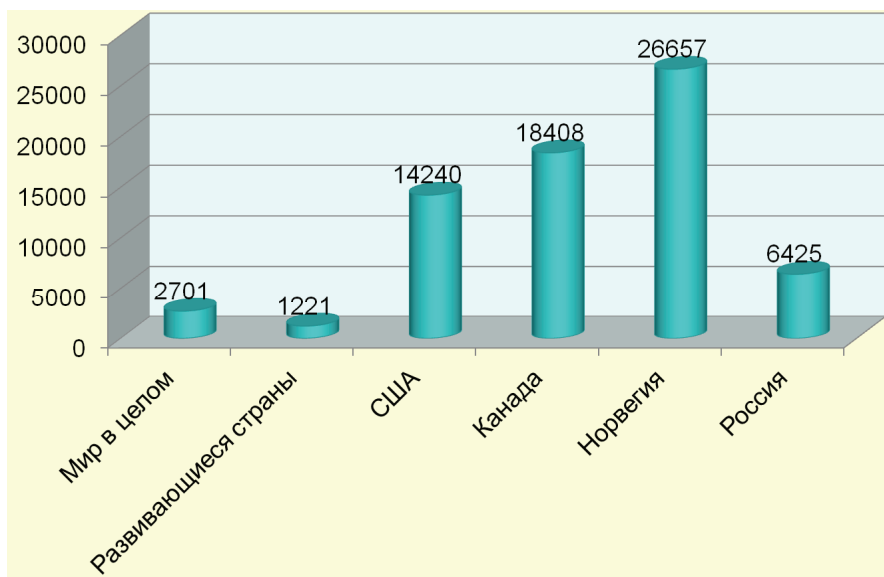

Рис. 1. Потребление электроэнергии на душу населения (к·Вч)

Показатель потребления электроэнергии на душу населения в России составлял в 2004 г. 6425 к·Вч, что в 2,5 раза ниже, чем в США. На оптимальную величину данного показателя сильно влияют климатические условия. Из числа развитых стран наиболее близкими по суровости климатических условий к России можно

считать Канаду и Норвегию. Именно в этих странах самые большие в мире цифры душевого потребления электроэнергии — соответственно 18 408 и 26 657 к·Вч. В целом по высокоразвитым странам (входящим в ОЭСР) потребление электроэнергии на 1 человека составляет около 9 тыс. к·Вч. Данный уровень, видимо, может быть неким ориентиром, иллюстрирующим масштаб проблемы, связанной с достижением в развивающихся странах технологических условий, сопоставимых с развитыми странами.

Следует отметить, что высокоразвитые страны на протяжении всей истории их экономического прогресса неизменно ориентировались на рост энергообеспеченности и на весьма высокие показатели потребления энергии в расчете на душу населения, чему способствовало их политическое и экономическое доминирование в мире. Эти страны долгое время пользовались сформированной ими ситуацией неэквивалентного обмена с колониальными и зависимыми странами, когда сырье у последних покупалось по заниженным ценам, а обратный поток предметов переработки — по ценам завышенным. Именно это предопределило высокий уровень технологий и, соответственно, уровень жизни населения в странах Запада. Показатель потребления электроэнергии на душу населения в 2004 г. составлял в США 14 240 к·Вч, в Японии — 8459, тогда как в Китае — 1684, Индии — 618, Индонезии — 476, а например, в Нигерии — 157 и Судане — 118 к·Вч.

Несмотря на большие вложения в эколого-ориентированные технологии именно высокоразвитые страны являются главными источниками загрязняющих окружающую природную среду различными выбросами, о чем убедительно говорит приводимая ниже таблица. Наиболее экономически развитая в мире страна — США — является самым большим загрязнителем атмосферы Земли, превышая по масштабам выбросов такую высокоразвитую страну Европы, как Германия примерно в 20 раз. Несмотря на неудовлетворительное состояние природоохран-ных мер в России и других постсоветских странах, семь наиболее развитых стран Америки и Европы за счет выбросов CO₂ загрязняют атмосферу почти в 16 раз сильнее, чем Россия, Белоруссия, Казахстан и Украина вместе взятые.

Таблица

Выбросы наиболее распространенных загрязняющих атмосферу веществ* (тыс. т)

Страна	Оксид углерода	Диоксид серы	Оксиды азота
США	80 854	12 258	15 160
Канада	9 372	2 066	2 378
Германия	4 035	558	1 394
Великобритания	2 408	676	1 595
Франция	5 646	514	1 392
Италия	3 818	389	1 062
Испания	2 336	1 170	1 466
По семи развитым странам	108 469	17 631	24 447
Россия	5 500	4 371	1 730
Казахстан	433	780	207
Белоруссия	75	140	56
Украина	916	1 235	308
По четырем странам бывшего СССР	6 924	6 526	2 301

* Данные по странам за разные годы в период 2005—2009 гг.

В целом, природные условия на территории России (несмотря на многочисленные факты экологической безответственности) пока потревожены индустриально-потребительским вторжением человека намного меньше, чем в большинстве других стран и регионов мира. По экспертным оценкам, уровень сохранности естественных экосистем на стыке тысячелетий в России составлял примерно 65%, против 20% в Китае, 7% в Индонезии, 5% в США, 4% в Европе (без России), 1% в Индии (рис. 2).

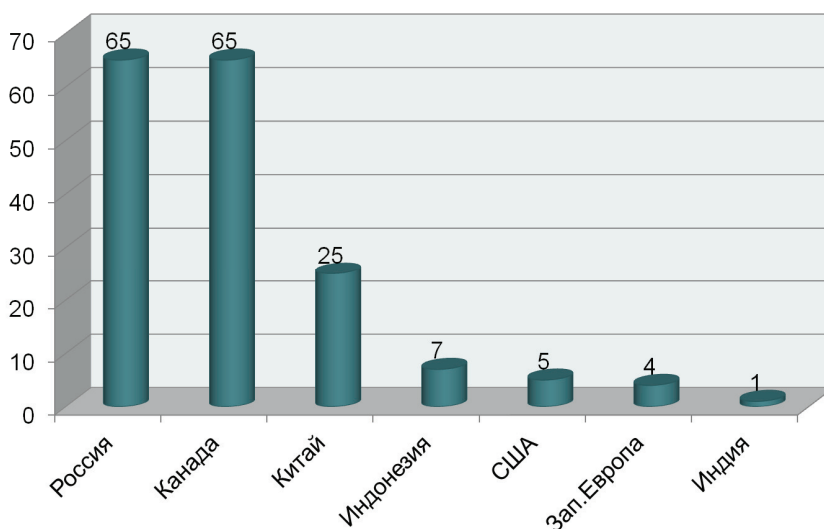

Рис. 2. Уровень сохранности естественных экосистем по странам и регионам (%)

Именно это обстоятельство весьма привлекает субъектов глобальной игры в мирохозяйственных связях к России как к еще не освоенному ими природному ресурсу. Но ведь и этот ресурс может быть быстро истрачен, если освоение пойдет по привычным схемам потребительского общества. Этого, очевидно, допустить нельзя.

В масштабах мирового сообщества постулируются и проводятся в жизнь три укрупненных подхода к обеспечению устойчивого развития на будущее, которые нельзя считать достаточно сформировавшимися и как-то структурированными. Ниже в упрощенном виде дается характеристика этих подходов.

Первый подход. Пусть все идет как идет, лишь бы не было намного хуже, чем сейчас. Основная надежда на автоматизм законов научно-технического прогресса и рыночных механизмов, а также на разумность политических руководителей стран, которые обязаны и будут разрабатывать и проводить в жизнь программы развития, купирующие кризисы и обеспечивающие поступательность прогресса.

Второй подход. Мир по самой своей сути построен на конкуренции и поэтому несправедлив. Развитие будет устойчивым, только если слабые будут выбывать из конкурентной гонки, уступая дорогу и ресурсы сильным. Поэтому не надо препятствовать естественной убыли населения, в том числе и в политико-географическом измерении, когда отдельные страны уходят с мировой арены, уступая

пространство «прогрессу». Сбалансированность экономических и экологических проблем в жестких условиях приближения к пороговым значениям нагрузки на природу достижима лишь на базе уменьшения числа «едоков» в мире. Поэтому не исключается использование в качестве глобальных «санитаров» естественное перерастание конфликтов из-за ресурсов в локальные и даже мировые войны. И хотя в таком оголенном и упрощенном виде данную концепцию обеспечения устойчивого развития, конечно, никто не рискует излагать, боясь быть обвиненным в человеконенавистничестве, она, тем не менее, существует и даже в той или иной мере — закамуфлированно — реализуется. Об этом свидетельствует, в частности, вполне спокойное отношение к освещению в литературе роли Второй мировой войны как логичного этапа, способствовавшего завершению и преодолению череды противоречий в экономике западного мира, вызванного Великой депрессией 1930-х гг. Именно с этой Великой депрессией сегодня сопоставляется многими разворот событий нынешнего глобального кризиса.

Третий подход. Человечеству неизбежно придется прийти к иным, чем сейчас, стандартам потребления первичных ресурсов и конечных благ, и это необходимо всячески стимулировать уже сегодня. Поэтому надо одобрительно относиться к тенденциям выравнивания экономических и социальных условий жизнедеятельности между развивающимися и развитыми странами, всячески способствовать более быстрым темпам экономического роста в менее развитых странах, обеспечивать льготный трансфер в эти страны высоких технологий. Мировой кризис означает исчерпанность концепции «методологического индивидуализма», на которой строились все экономические отношения в рамках капитализма XIX и XX вв., и подводит к необходимости новой институализации экономических взаимодействий, предполагающих заинтересованное сотрудничество хозяйствующих единиц с преобладанием общих долговременных интересов как главного стимула развития, добровольное понижение стандартов потребления благ до уровня научно обоснованных величин, безопасных в плане нагрузки на природу, что особенно должно относиться к народам, проживающим на территориях высокоразвитых стран.

Разумеется, этот последний сценарий вряд ли найдет в ближайшее время достаточную массу сторонников в развитых странах, готовых заменить привычную свою жизненную мотивацию, построенную на принципе конкурентной борьбы за максимизацию прибыли, на что-то иное, замешанное на альтруизме. Но время, подталкивающее к таким сдвигам, уже наступило, так что их на уровне общественного сознания и государственной политики требуется всячески поощрять. Эти требования неумолимы. Если эту линию не поощрять, то от концепции устойчивого социально-экономического развития в подлинном его смысле в новых реалиях, подготовленных сегодняшним мировым кризисом, человечеству придется отказаться.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Эксперт. — 2009. — № 35. — С. 48—56.
[2] Наше общее будущее. — М.: Прогресс, 1989.

GLOBAL FINANCIAL AND ECONOMIC CRISIS AND ITS IMPACT ON STRATEGIC APPROACHES TO SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT

V.I. Kushlin

The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Vernadskogo prospect, 82, Moscow, Russia, 119571

The article clarifies the scope and main features of the current world crisis. It opens interrelations of this crisis with an aggravation of energy-environmental problems in the world. The author estimates approaches to the decision of energy-environmental problems in developed and developing countries. He examines three possible scenarios for sustainable economic development in the world.

Key words: types of crises in the economy, the concept of sustainable development, the Club of Rome, resource intensity of the economy, energy consumption per capita, environmental pollution factors, power consumption per capita, energy intensity of the economy, energo-ecological balance.